

С каждой последней каплей внимания и обожания, которые он ей уделял, она становилась только сильнее, так как Гарри сосредоточился на самой сути того, что нужно Гермионе, отказываясь вытаскивать голову из-под ее юбки, пока он ее не освободит. Это был огонь и преданность, от которых Гермиона таяла, теряясь от возбуждения, бурлящего в ней, когда она выполняла эти требования. Но они слишком долго пробыли на Гриммаулд Плейс, и ей потребовалось все, чтобы не раскрыться в зыбком блаженстве, чтобы выпустить на волю слова, которые были у нее внутри, заглушая свои крики экстаза, когда Гарри толкался все сильнее. Его отказ замедлиться и настойчивое желание заставить ее потерять рассудок подтолкнули ее к полной потере себя.

Гермионе пришлось сделать все возможное, чтобы не закричать от блаженства, когда она кончила, пальцы сжались на голове Гарри, и она прижалась к нему, теряя себя от дрожащего, безнадежного жара, дрожащего в ней. "Так хорошо, так хорошо, так хорошо", - быстро скулила она под дыхание, в головокружительном беспорядке барахтаясь и наваливаясь на него, не в силах контролировать бешеное падение, оставляющее ее измученной, потрепанной, с жестким и странным дыханием, так как она чувствовала себя в полном отчаянии. Ее бедра подрагивали и содрогались, и Гермиона обнаружила себя в состоянии изнуряющего жара, окончательно обмякнув на сиденье и откинувшись назад. "Так много", - ныла она, глядя на Гарри с широкой, безнадежной улыбкой.

В том, как Гарри отступил назад и придвинулся к ней, не было ни сдержанности, ни смысла. Он занял место рядом с ней, прямо у ее бока, притянул ее к себе, имея теперь для этого пространство, и с радостью впился в нее поцелуем. Гермиона вздохнула, прижалась к нему и с любовью прижалась к своему парню, радуясь тому, что он ее успокаивает. Пока Гарри был рядом, чтобы составить ей компанию, Гермиона чувствовала чистый восторг, радость и облегчение, которых ей не было причин бояться. "Спасибо", - ласково сказала она, прижимаясь к нему, пока они шли сквозь зимнюю темноту в сторону Хогвартса, где их жизнь скоро вернется в нормальное русло.

*****

Это был только второй день занятий и второй день на Трансфигурации, когда домашние задания, которые они сдали, были возвращены и оценены. Гермиона напряженно ждала этого момента, беспокоясь о том, какие открытия и сюрпризы ее ожидают, когда она узнает, насколько хорошо или плохо она копировала Гарри. Но когда она посмотрела на бумагу, записка оказалась маленьким приятным сюрпризом. Ее оценка "отлично" осталась нетронутой, а в примечании учителя говорилось: "Несмотря на то, что вместо пяти страниц вы написали всего на полстраницы больше, чем требовалось, ваша работа остается лучшей в классе".

Гермиона не могла поверить в это, глядя вниз на осознание с ярким, жгучим волнением, с облегчением, свидетелем которого она была тем более счастлива. Кроме того, что она по-прежнему получала высокие оценки, короче было легче оценивать ее учителям; она часто приносила слишком сложные и дико противоречивые работы, цитируя материалы, выходящие далеко за рамки учебной программы, и снабжая свои аргументы обильными сносками и цитатами. Они были герметичными, но часто настолько выходили за рамки ее учителей; ей хотелось разобраться со всеми остальными работами, которые нужно было прочитать и оценить. Ей было трудно не прочитать в этой записке едва сдерживаемое облегчение, как бы поощряя ее двигаться дальше в этом направлении. Она не стала возражать.

Поднявшись со стула, она улыбнулась Гарри, когда они вместе выходили из класса. "Мы получили О", - сказала она, радостно шагая рядом с ним. "Ты поставил мне О".

"Мне было бы неприятно, если бы ты получила двойку из-за меня", - сказал Гарри. В основном в шутку, но он никогда не считал, что для Гермионы получить "превосходит ожидания" не было бы проклятием хуже смерти, учитывая, что однажды она поставила смерть ниже исключения из школы в списке ужасных последствий. "Но мы сделали это". Как только они вышли из комнаты, Гарри осторожно подвел Гермиону к стене возле класса и прижался к ней с поцелуем, откровенным и нетерпеливым, как он предлагал свои ласки, откровенно целуя свою девушку в коридорах. Ускорение их отношений и более открытый публичный характер этих обожаний достигли новых высот.

Гермиона помнила, как в детстве смотрела много фильмов, где засранец-качок ставил свою горячую, популярную подружку к стене и целовал ее после уроков. В тех фильмах Гермиона всегда сочувствовала непопулярным умным девочкам по вполне понятным причинам, но сейчас, когда ее парень, играющий в квиддич, целовался с ней прямо у кабинета МакГонагалл, было невозможно отрицать, во что она превратилась. Она даже подняла ногу, чтобы опереться о стену, когда притянула его к себе крепче, смирившись с тем, что перемена судьбы превратила ее в ту самую девушку, которую она всегда презирала в фильмах.

"Эй, я ведь ничему не помешала?" - спросил голос, очень даже помешавший всему, когда Лаванда остановилась перед входом в класс, последний на ее пути к выходу, чтобы посмотреть на Гарри и Гермиону. Блондинка была такой же яркой и задорной, как и раньше, и когда Гарри повернулся, чтобы посмотреть на нее, его взгляд остановился на топе с низким вырезом и ее обширном декольте. Он не хотел смотреть, но при каждом движении ее рук они слегка колыхались, и он не мог не смотреть на них, не заглядывать в них. "Привет, Гарри, привет, Гермиона. Я хотела спросить о..." Она нервно огляделась вокруг, убеждаясь, что никого нет рядом, прежде чем сказать гораздо более тихим тоном: "О собраниях".

Руки Гарри задержались на талии Гермионы, пока он смотрел на Лаванду. "Ты ничему не мешаешь", - сказал он. "Что ты хочешь знать?" Когда он спрашивал, он совершенно не замечал, что Гермиона может определить, куда направлены его глаза.

Лаванда была бодра, смотрела на Гарри с широкой ухмылкой, проводя ладонями по его руке, осторожно снимая ее с бедра Гермионы и направляя к себе. "Мне было очень весело на этих собраниях, и я узнала все то, что школа не хотела, чтобы мы знали. Мы только начали, но я надеюсь, что они скоро вернуться".

"Тебе так нравится учиться?" спросил Гарри, его улыбка расширилась, поскольку он оценил ее близость, возможно, немного слишком близко к сердцу.

"Думаю, это помогает, когда мне так нравится учитель". Она зажала его руку между своими грудями и прижалась к ним, прислонившись к его телу. "С тобой учиться самообороне намного веселее. И Гермиона, ты тоже, конечно. Вы обе". Она слишком поздно поняла, что делает, поймав на себе его пристальный взгляд и не зная, как на него реагировать. Она стала слишком уютной и милой для своего собственного блага, и немного отпустила его руку.

<http://erolate.com/book/2890/69268>